

На правах рукописи

МАХМУДОВ ДАВЛАТХУДЖА ОРИФОВИЧ

**ВЛИЯНИЕ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИХ СЮЖЕТОВ НА
ФРАНЦУЗСКУЮ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНУЮ ПРОЗУ XVII-XVIII ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»)**

**10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Душанбе – 2021

Работа выполнена на кафедре истории таджикской литературы Таджикского национального университета.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Мисбохиддини
Нарзикул**

Официальные оппоненты: **Рахманов Бахтиёр Рузикулович** –
доктор филологических наук, доцент
кафедры мировой литературы
Российско-Таджикского
(Славянского) университета

Одинаев Нурмахмад Сафарович –
кандидат филологических наук,
доцент кафедры таджикского языка
Таджикского технологического
университета

Ведущая организация: Таджикский государственный
педагогический университет им.
С. Айни

Защита состоится «24» сентября 2021 г. в 13.30 часов на заседании диссертационного совета Д. 737.004.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском национальном университете. (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Таджикского национального университета www.tnu.tj (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Курбанов Х. А.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Зарождение литературного романтизма во французском средневековье во многом переплетено с восточными литературными мотивами и образами. В средневековой Франции с появлением и развитием произведений, имеющих в своей основе восточные мотивы, и осуществлением переводов восточных сказаний, литература обогатилась новыми выразительными средствами, образами, структурными формами, появлялись новые пути и формы восприятия и обработки литературного материала, таких как формальный перевод, творческое подражание.

Вместе с «восточным веянием» перед французами, вместо далекого неизвестного царства *romans d'avantures* (приключенческие романы), открывается реальный Восток с удивительными реалиями его жизни, элементами его *intérieur* (внутренности). Это как распахнутое информационное «окно» на Восток вместе с развлекательными литературными сочинениями и переводами.

Французские переводы XVIII-го века роднят между собой реализующиеся в них стилистические установки на переложение «смысла и истины», передачу образов и сюжетов оригинала «по своему образцу и покрою» с ориентацией на стилистику родной литературы и с почти полным пренебрежением к стилистическим характеристикам оригинального текста, а сама проблема особенностей восточного слога здесь еще не рассматривается.

Нам представляется важным подчеркнуть, что основные традиционные культуры и литература самого Востока всегда были неразрывно переплетены между собой, учились и одновременно обогащали друг друга, и, как показывает настоящее исследование, впоследствии эти связи перерастают региональные рамки и становятся значимыми в общемировом масштабе.

Таким образом, с одной стороны, существующая небрежность в определении источников направляет нас к исследованию становления и развития ориентализма, в частности, во французской литературе указанного периода, а с другой стороны, вышеуказанные неясности создают прочную основу для проведения научного исследования, что и составляет **актуальность** темы нашего исследования. Необходимо провести научное осмысление этого исторического процесса в сочетании с правильным представлением о мире Востока и Запада. Помимо того, актуальность темы исследования обусловлена также тем интересом, который проявляет современное национальное и зарубежное литературоведение к межкультурной коммуникации как художественной проблеме.

Степень изученности темы. Следует констатировать, что степень изученности литературных связей Востока и Запада на момент зарождения и распространения европейского ориентализма в литературе остаётся крайне недостаточной. Неравномерность распределяемого внимания первоисточникам в историческом литературоведении, довольно часто оказывается абсолютно неоправданной с методологической точки зрения.

Несмотря на то, что историю сбора, изучения персидско-таджикского литературного наследия с последующей публикацией традиционно относят к рукописи «Авесты», необходимо отметить, что ещё до появления фольклористики деятели культуры и литературы прошлых столетий обращали внимание на народное повествование. В частности, на наличие большого количества прозаических повествовательных образов и мотивов в персидско-таджикской классической литературе указывал в своих каталогах ещё Г. Эте. Тем не менее, данное утверждение в первую очередь справедливо для жанра персидско-таджикской сказки, систематическое начало исследований которой, скорее приходится на вторую половину XX в. По мнению таких известных фольклористов, как А. Аарне, В. П. Аникин, В. Л. Пропп, С. Томпсон, У. Марзулф, Э. В. Померанцева, Б. Кербелите и др. большинство сюжетов, образов и мотивов имеют широкое распространение среди различных индоевропейских народов, что актуализирует детальное типологическое рассмотрение жанра сказки. Так, рассуждая о вкладе французов в ознакомление европейцев с Востоком нельзя не добавить, что в большей или меньшей степени восточные мотивы прослеживаются в «сказочных произведениях» Шарля Перро, Жан-Жака Руссо, Франсуа Пети де Ла Круа, Франсуа де Салиньяк де Ла Мот Фенелона, Катрин Бернар, Анн Клод Филипп де Келюса, Жан де Лафонтена, Франсуа Мари Аруэ Вольтера, Антуан Гамильтон, Шарля Пино Дюкло и других.

Началом систематических научных исследований персидско-таджикских литературных влияний на появление ориентализма во Франции можно датировать примерно серединой 20-го века. Несколько позже, в 1971 г. увидела свет монография таджикского исследователя Ю. Салимова «Насри ривоятти форс-точик» («Персидско-таджикская повествовательная проза»), посвященная анализу т.н. иранских сказочных энциклопедий «Джавами' ал-хикайат» автор, которой также касается данного вопроса.

Представляет определённый интерес с точки зрения теоретического исследования средневековой персидско-таджикской прозы и работы академика Н. Салимова «Стилистические этапы и развития видов прозы в персидско-таджикской литературе (IX-XII вв.)».

Сборник сказок «Тысяча и одна ночь» в Европе стала известной не более чем два века назад, благодаря первому изданию французского перевода Антуана Галлана в начале XVIII века, и с тех пор и возник спор о ее происхождении.

Таджикский литературовед Ш. Мухтор в своей книге «Замон ва тарчумон» («Время и переводчик») подчеркивает, что перевод «Тысячи и одной ночи», выполненный А. Галланом, литературная революция французов. Первоначальный перевод на французский язык, изменил не только литературную жизнь Франции, но и Европы.

Французский учёный Жюль Жаен, который написал предисловие к изданию 1864 года «Тысячи и одной ночи», высоко оценил труд А. Галлана, Он отметил, что благодаря ему Франция, и даже вся Европа познакомилась с чудесами и великолепием Востока.

Во второй раз эту книгу на французский язык перевёл Жозеф-Шарл Мардрюс (1899-1904). Его перевод более комплектован, чем перевод А. Галлана.

Из персоязычных исследователей Мухаммад Джа'фар Махджуб в общих рамках рассматривал проблему выявления источников арабской «Тысяча и одной ночи» в серии научных статей. В заключении пришел к такому выводу, что одним из основных первоисточников «Тысячи и одной ночи» является персидский сборник «Хазор афсона» («Тысяча сказок»). С его исследованием можно подробно ознакомиться в сборнике его статей, опубликованном в 2008 году в Тегеране.

Таким образом, вопрос литературного импорта через Францию либо иными путями в Европу персидско-таджикских образов, мотивов и сюжетов остается широко открытым для будущих научных исследований.

Цель и задачи исследования. В выборе данной темы мы, прежде всего, руководствовались необходимостью изучения функционирования персидско-таджикских литературных сюжетов, образов и мотивов во французской литературной традиции. Иными словами, изучение влияния сказок таджикско-персоязычных народов во французской литературе XVII-XVIII вв. определило наши цель и задачи. Исследование предполагает анализ типологии образов и мотивов, изучение их функции в сюжете, композиции и замысле произведения, выявление особенностей структурной организации изучаемого текста.

Для достижения указанной цели предполагается решение следующих задач:

- рассмотреть вклад путешественников, исследователей и переводчиков в проникновении персидско-таджикской культуры и литературы во французскую литературу;
- выявить роль персидско-таджикской литературы в эволюции французской драматургии;
- проследить историю изучения персидско-таджикской литературы во французском востоковедении на рубеже XVII-XVIII вв.;
- рассмотреть предпосылки зарождения нового жанра «арабо-персидской сказки» во французской повествовательной традиции;
- определить типизацию восточного персонажа и персидско-таджикских сказок во французском культурном пространстве;
- исследовать истории проникновения персидско-таджикских элементов во французскую авторскую сказку;
- показать особенности сюжетно-композиционного и стилового построения персидско-таджикского мира во французской восточной сказке.

Методы исследования. Основу данного исследования составляют: чтение, тематический анализ, сравнительно-исторический метод изучения литературных источников и теоретического материала.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования послужили фундаментальные труды Н. И. Конрада, В. Я. Проппа, П. Н. Беркова, И. С. Брагинского, С. Л. Кагановича, Е. Э. Бертельса, В. М. Жирмунского, Д. С. Лихачёва; научные работы видных литературоведов ближнего и дальнего зарубежья, посвященные литературным связям Востока и Запада, сравнительному литературоведению и проблемам перевода: Ш. Мухтора, В. Самада, Ф. Дехоти, Дж. Махджуб, Д. Поповича, историков литературы: М. П. Алексеева, И. В. Вершинина, Н. Я. Дьяконовой, А. А. Елистратовой, В. М. Жирмунского, И. М. Катарского, Б. М. Урнова и др.

Особо следует отметить монографию И. С. Раджабовой («Таджикско-персидская повествовательная проза в литературном процессе Франции начала XVIII в.»), изучение которой позволило разработать оптимальную программу исследования и определить подходы для разработки проблем, заявленных в данной диссертации. Из общих исследований, касающихся проблем ориентализма в литературе, особенно значимы работы, учитывающие социокультурные факторы; это работы Ф. Азима, П. Себага, Е. Бертельс, М. Герхард, Э. Саида и др.

Источники исследования. В качестве основного источника исследования избраны «Тысяча и одна ночь» – издания *Les Mille et une nuits*, переведённый с персидского французским переводчиком А. Галланом в 1704

году, «Тысяча и один день: Персидские сказки» – Les Mille et un jours: Contes Persans, составителем которого является француз Пети де ла Круа и литературное издание «1001 ночи».

В диссертации также использованы «Французская литературная сказка XVII-XVIII веков» А. Ф. Строева, «Orient dans la littérature française au XVII-XVIII siècles» (Восток во французской литературе XVII-XVIII вв.) Марино П. Л. (фр. Marinot P. L.) и «Тысяча и одна ночь» перевод с французского М. Попова.

Объектом исследования являются сборник сказок «Тысяча и одна ночь», переведённый с персидского на французский А. Галланом в 1704 году и «Тысяча и один день: Персидские сказки» Пети де ла Круа и литературное издание «1001 ночи».

Предметом исследования явились некоторые специфичные персидско-таджикские литературные сюжеты из «Тысячи и одной ночи», характерные образы и свойственные восточному региону идейные и художественные мотивы, которые укоренились во французской литературной традиции в контексте общей проблемы межкультурных коммуникаций между Востоком и Западом и многих аспектов раннего этапа западно-восточного синтеза.

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой первую попытку комплексного научного исследования предпосылок, путей проникновения и последующей адаптации персидско-таджикских сюжетов, образов и литературных мотивов «Тысячи и одной ночи» изначально на французскую литературу в момент широкого распространения там ориентализма на рубеже XVII-XVIII веков. Персидско-таджикское литературное наследие рассматривается нами, прежде всего, с позиции выявления специфики коммуникативного взаимодействия между Западом и Востоком как художественной проблемы. Мы предприняли попытку рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с персидско-таджикскими литературными сюжетами, образами и мотивами, как жанровую специфику во французском ориентализме.

Теоретическая значимость диссертации состоит в выявлении некоторых принципов построения французской «волшебной сказки» и приключенческого романа и характеристике функционирования персидско-таджикских мотивов в этих произведениях, а также в демонстрации некоторых тенденций развития французской развлекательной литературы на рубеже XVII-XVIII вв.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что её результаты могут быть послужить основой для дальнейших исследований произведений других французских авторов рассматриваемого периода; при

разработке специальных курсов по истории французской литературы, а также эти материалы могут послужить основой учебного пособия по истории персидско-таджикской и французской литературы для факультетов таджикской филологии и языков Азии и Европы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Литературные взаимосвязи Франции с Востоком имеют многовековую традицию, и начинается с эпохи средневековья. Если в начальные этапы эти связи были спорадическими, то начиная с XVII века, они переходят на постоянную основу.

2. Первые французские собрания восточных сказок – «Les Mille et une nuits» (Тысяча и одна ночь») и «1001 jours» («1001 день») познакомили европейцев уже не с арабскими, а с персидско-таджикскими сказками.

3. Большинство текстов «1001 ночи» («Les Mille et une nuits») и «1001 дня» («1001 jours») имеют свои параллели среди источников, составляющих репертуарные сборники персидско-таджикских сказаний, таких как «Джавами' ал-ҳикайат».

4. Сравнительное изучение «Les Mille et une nuits» и «1001 jours» показывает многочисленные общие черты этих книг. Эти сходства заложены в единства исходного материала, которым пользовались А. Галлан и Пети де ла Круа.

5. Существуют три исторического этапа трансформации персидско-таджикского сказочного материала: вначале народная сказка, затем литературная сказка, а в конце ориентальный вариант французской авторской сказки.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на расширенном заседании кафедры истории таджикской литературы Таджикского национального университета (протокол № 9 от 24.01.2020 года) и рекомендована к защите.

Основные положения диссертации изложены в 5 статьях автора, опубликованных в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ.

Результаты исследования, также были изложены в выступлениях автора на научных конференциях профессорско-преподавательского состава Таджикского национального университета (2016-2020 гг.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, девяти разделов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется степень её разработанности, цель и задачи работы, методологические основы, объект и источники исследования. Здесь же аргументируется значимость исследования и его новизна.

Глава первая «Предпосылки влияния персидско-таджикской литературы в эпоху средневековья» делится на два раздела, в которых рассматриваются влияния персидско-таджикской литературы на жизнь Франции и французских народов в эпоху средневековья. **Первый раздел**, названный **«Социально-политические предпосылки проникновения персидских сюжетов»**, посвящен рассмотрению эволюции представлений о Востоке во Франции, процесс восприятия восточной, а именно персидско-таджикской сказочной повествовательной прозы, и её трансформации под влиянием западных литературных тенденций лишь в определенный нами период (XVII-XVIII вв.), при этом по необходимости затрагивая иные исторические этапы.

К накоплению французами начальных знаний о Востоке можно добавить и историю с первой рукописью книги Марко Поло на старофранцузском языке «О разнообразии мира» (старофр. *Livres des merveilles du monde*; 1298 г.). Рукопись хранится в Парижской Национальной библиотеке и содержит описание путешествий Марко Поло по странам Азии и Африки (1276-1291).

Нам следует несколько подробнее упомянуть Жан-Батиста Тавернье (фр. Jean-Baptiste Tavernier; 1605-1689), Жана Шардена (фр. Jean Chardin; 1643-1713) и Жана Тевено (фр. Jean de Thévenot; 1633-1667), которые в значительной мере сформировали основные представления французов о Мавераннахре (ныне Центральная Азия) того времени. Именно благодаря этим людям во Франции появилась «мода» на Персию. Благодаря их заметкам появляются произведения, где главными героями выступали персы: «Тахмас – царь Персии» (1676), «История Алсины, принцессы персидской» (*Alcine, princesse de Perse. Nouvelle. Paris*; 1683. Переведена с французского языка. – М.: Тип. А. Анненкова, 1787), «Замира, персидская история» (1687), «Сироэс и Мирама, персидская история» (1692) и др. В идейном, жанровом и стилевом отношении это были произведения односоставные, героями были французы, но облаченные в яркие персидские одежды. Все внимание авторов сосредоточено на идее любовных отношений, в сюжетах нет привязки ко времени, нет исторической реальности.

Исследование показало, что в отличие от Тавернье, Жан Шарден, общепризнанный основатель иранистики в Европе, дважды путешествовал в Центральную Азию, движимый не целью разбогатеть, но, скорее, из желания к получению новых знаний. У него можно найти точное и правдивое описание не только нравов, костюмов и памятников, но и всего, что касается управления государством. Персидско-таджикской поэзии, Шарден посвящает целую главу своей книги и говорит о том, что эта поэзия наполнена мудростью, философией и гармонией.

В общем, можно сказать, что путешествия Тавернье, Тевено, Шардена в Персию чрезвычайно обогатили представления французов о Центральной Азии.

Анализируя социально-политические предпосылки проникновения персидских сюжетов можно сказать, что большинство произведений того времени имеют источники персидско-таджикского происхождения.

Второй раздел первой главы **«Роль французских востоковедов в распространении персидско-таджикской литературы во Франции»** посвящен французским востоковедам, которые играли важную роль в распространении персидско-таджикской литературы во Франции.

Уже к XII в. с развитием экономических отношений с Востоком, персидско-таджикские, индийские, арабские, тюркские и др. мотивы и сюжеты постепенно появляются в литературной жизни средневековой Франции. С наступлением крестовых походов, отношения между Востоком и Западом развились еще больше. В языки Запада широким потоком вливаются восточные слова и восточные темы рассказов усиленно повторяются на Западе. В качестве примера сюда можно отнести широко известные анонимные сборники – «Книга о семи мудрецах» и «Римские деяния». Так «Книга о семи мудрецах», предположительно восходящая к индийским источникам, познакомила французского читателя с обустройством, жизнью, бытом, различными орудиями и инструментами, интересами, моралью Востока. «История о семи мудрецах» была добавлена старофранцузским поэтом XIII века Адене ле Руа (фр. Adenet le Roi – «король трубадуров») в текст его придворного рыцарского романа «Cléomadès», где можно найти упоминания о различных восточных музыкальных инструментах, например, рубабе (ряд струнных щипковых инструментов Среднего и Ближнего Востока и Центральной Азии) и тимпане (фр. tympan <греч. tympanon барабан, бубен).

Следует отметить, что «Клеомадес» Адене ле Руа с точки зрения сюжета перекликается с несколько менее известным романом конца XIII века – «Деревянный конь» Жирара д'Амьена (фр. Girard Damien). Необходимо

отметить, что оба романа имели своим общим источником восточную сказку о чудесном эбеновом коне, летающем по воздуху с помощью винтов. И Адене ле Руа и Жирар д'Амьен повторяют сюжет, в целом совпадающий с повестью из «Тысяча и одной ночи» (ночи 358-371).

Французский исследователь средневековой литературы Гастон Парис (фр. Gaston Paris) отмечает типологическую общность присущую рыцарскому роману того времени: «Все эти романы имели в общем один и тот же стиль, и один и тот же тон, так же, как и одинаковую форму - окто силлабические стихи, рифмующиеся два на два. Их главной темой всегда была любовь, которая, подвергаясь испытаниям, завершается триумфом. Сюда примешиваются различные приключения на море и на суше, колдовство, предсказания, метаморфозы и т.п. Поэты обращались с ними, как с античными сюжетами, одевая их в наряды своего времени» [Герхард 1984, с. 172-178].

Что касается романов того периода, в которых восточное влияние носит вполне явный характер, то едва ли не самым известным из них является небольшой стихотворный роман «Флуар и Бланшефлор», около 1170 г., (фр. Floire et Blancheflor), анонимного автора. Основной сюжет – зарождение любви Бланшефлор и Флуар. И. С. Брагинский отмечает сходство сюжета этого романа с единственной сохранившейся поэмой персидско-таджикского поэта первой половины XI века Айюки – «Варка и Гульшах». Айюки служил при дворе Султана Махмуда Газневи и получил известность вслед за публикацией статьи турецкого учёного Ахмада Аташа, вначале на персидском, затем на французском языках. Необходимо отметить, что текст поэмы, опубликованный в 1985 году в Душанбе – в издательстве «Ирфон» не является полным. Поэма «Варка и Гулшах» Айюки предположительно создана на основе истории любви арабского поэта доисламского периода Урвы ибн Хузама к двоюродной сестре, дочери дяди, Афра бинт Икал. Данная поэма относится к одной из первых любовно-романтических поэм персидско-таджикской литературы, дошедших до наших дней. Поэма «Варка и Гулшах» полностью следует нормам поэтического сочинительства присущего персидско-таджикской литературе.

Влияние персидско-таджикской поэмы на французский стихотворный роман «Флуар и Бланшефлор» анонимного автора (около 1170 г.) отчетливо проявляется при элементарном сопоставлении этих произведений. Флуар – сын царя сарацинов любит Бланшефлор – дочь одного из пленников - христиан. Царь с целью убедить сына в смерти его возлюбленной возводит ложную могилу и показывает её Флуару. Флуар вскрывает могилу и обнаружив, что она пустая, приступает к поискам Бланшефлор. После

нахождения любимой Флуар женится на ней. В поэме Айюки: Могущественный падишах, отец Гулшах насильно выдает её замуж за правителя далекой страны Фаранг и говорит Варке, что его возлюбленная скончалась, при этом показывает могилу, где была закопана туша барана. Узнав об этом, Варка открывает могилу, находит баранью тушу и приступает к поискам Гулшах. Даже имена героев имеют общую этимологию: Бланшефлор – белый цветок и Гулшах – царский цветок.

Ещё в начале XVII века сюжеты ориентальных романов практически были лишены местного колорита (*couleur locale*), т.е. этнографического фона, так как не хватало достоверных сведений о Востоке, но уже ко второй половине XVII века положение значительно меняется, поскольку труды путешественников и миссионеров становятся неисчерпаемыми источниками весьма обширных знаний о культурном слое Востока.

Таким образом, к середине XVII века наступил момент, когда «ветра с Востока» вновь «наполняют паруса» французской литературы, а восточная традиция затрагивает наиболее существенные стороны культурной жизни Европы. Массовое знакомство западноевропейского читателя с восточными литературными произведениями началось с момента проникновения на западноевропейскую почву именно жанра восточной сказки, к тому времени уже имевшей определённые традиции.

С точки зрения драматургии, то к тому времени французские писатели «прекрасно поняли большое преимущество, которое театр мог получить от экзотических трагедий. Благодаря им сюжеты, которые, как было отмечено, уже не блистали разнообразием и постепенно уменьшились, к концу XVII в. были вновь возобновлены... Некоторые считали, что экзотические сюжеты позволяли придать героям необходимое достоинство» [Marinot 1966, с. 206].

В первой главе ещё говорится об исторических цивилизационных различиях между Западом и Востоком, которые естественным образом отразились в трагедиях того времени. В качестве примера можно привести трагедию Кристофера Марло (англ. Christopher Marlowe) «Тамерлан Великий» («*Tamourlaine*»; около 1587), ставшей образцом данного жанра.

Жанр комедии, вслед за быстро исчерпавшим себя жанром трагедии, также оказался весьма благодатной почвой для впитывания восточных сюжетов, образов и мотивов: «Благодаря итальянской комедии широкая публика получила инициализацию, через которую она была подготовлена к восприятию комедий на восточные сюжеты, которые развивались в XVIII веке под влиянием «Тысячи и одной ночи» и «Тысячи и одного дня». А. – Р. Лесаж, который принял участие в обработке «Тысячи и одного дня»,

облегчил доступ на французскую комическую сцену сюжетов восточных сказок» [Les Mille et un jours 2003, с. 25].

Таким образом, востоковедение на упорядоченной основе начинает свое существование с 1312 г. вместе с организацией нескольких кафедр для преподавания восточных языков в университетах Европы. Изучение восточных языков было стимулировано расцветом миссионерства и считалось наилучшим средством для распространения христианской веры.

Говоря о французском востоковедении, невозможно не отдать должное первопроходцам, открывшим богатое наследие Центральной Азии и Ирана для дальнейших исследований, французских и в целом европейских учёных.

Это были ученик Сильвестра де Саси по «Школе живых языков» – Пьер Амеди Жобер, французский дипломат, востоковед и переводчик Андре Дю Рье, сир де Ла Гард-Малезер, Антуан Галлан, Бартаlemi д'Эрбело, Пети де ла Круа и др.

Глава вторая – «Жанр повествовательной сказки в средневековой французской литературе» делится на два взаимосвязанных раздела и подраздела. **Первый раздел – «Предпосылки зарождения нового жанра «арабо-персидской сказки» во французской повествовательной традиции»** – посвящён влиянию жанра «арабо-персидской сказки» на французскую повествовательную традицию.

Итак, всплеск интереса к литературной сказке (le conte) во Франции рассматриваемого периода и его истоках, очевидно, можно найти в неоконченной и по сей день (Quérelle des Anciens et des Modernes – Споры Древних и Новых) – творческой и литературной дискуссии, разгоревшейся в начале 1690-х годов во Франции времен Людовика XIV. Суть этого спора заключается в том, что «новые» вслед за Декартом, ратовали за отмену исторических традиций, заменив их новыми художественными формами.

Одним из участников этого диспута на стороне «новых» был Шарль Перро (фр. Charles Perrault; 1628-1703), который первым из европейских писателей использовал сказку в качестве аргумента в споре, и взял на себя смелость ввести ее в круг классической литературы, и это несмотря на предполагаемый конфликт с рационализмом и эстетикой классицизма. Перро обращался к античности, но при этом доказывал, что «сказки, сочинённые нашими предками для своих детей», хотя и менее изящны, но зато более нравственны» [Строев 1990, с. 2].

Таким образом, благодаря стараниям Шарля Перро («Рассказы, или Сказки былых времён»; фр. Histoires ou contes du temps passé – позднее под названием «Сказки моей матушки Гусыни» (Les Contes de ma mère l'Oye 1697), его племяннице Мари-Жанной д'Эрителье де Виллодон («Волшебная

сила красноречия»), а также Мари-Катрин л'Онуа («Волшебные сказки»), французской романистки, поэтессы и сказочницы мадемуазель де ла Форс ("Сказки сказок", "Сказки фей", "Персинетт" «Persinette» – получившая сегодня всеобщее признание благодаря экранизации «Рапунцель») и др., сказка постепенно перекочёвывает из литературных салонов Парижа на городские улицы Европы и становится широкодоступной для обычного читателя, превращаясь при этом в самостоятельный жанр литературы.

К концу XVII началу XVIII века мода на нравоучительные повествования постепенно сходит на нет. С этого времени сказка уже предназначена для взрослой аудитории, а не детей: «Я в молодости очаровывался сказками «Тысяча и одна ночь», которые... вовсе не – сказки для детей» [Чернышевский 1987, с. 130].

Таким образом, выход в свет в 1704 году перевода сборника «Тысяча и одна ночь» Антуана Галлана (араб. كتاب ألف ليلة وليلة kitāb 'alf layla va-layla; перс. هزار و یک شب hazār-o-yek šab) становится знаменательным событием для литературного мира не только Франции, но всей Европы. Он говорит: «Я перевел с арабского несколько сказок, они не уступят тем волшебным сказкам (contes des Fées), которые в последние годы появлялись в таком изобилии, что, кажется, все наконец приелись» [Herbelot 1697, с. 231-257].

И действительно, событие, связанное с выходом в свет «Les Mille et une nuits» («Тысяча и одна ночь») становится своего рода катализатором резкого роста интереса всего европейского обывателя к литературному жанру – сказка.

Второй раздел второй главы «Персидско-таджикские истоки сюжетов французской сказочной традиции» посвящён влиянию персидско-таджикских сказок (в основном «Тысячи и одной ночи») на французскую сказочную традицию. Существует множество прямых и косвенных подтверждений тому, что источником «1001 ночи» был, вероятно, сделанный в X веке арабский перевод вышеупомянутого персидско-таджикского сборника «Тысяча сказок», впоследствии получившего большую популярность в столице восточного халифата, в Багдаде. И с достаточной долей уверенности можно утверждать, что из «1000 сказок» была взята рамка и такие повести, как «Рыбак и дух», «Хасан Басрийский», «Царевич Бадр и царевна Джаухар Самандальская», «Ардашир и Хаят-аннофуса», «Камар-аз-заман и Бодура». Сказки эти по своей поэтичности и психологичности – украшение всей 1001 ночи.

У большинства серьёзных современных исследователей почти не вызывает сомнений, что сборник «1001 ночи», по сути эволюция персидско-таджикской книги «1000 сказок», и сами Шехерезада, Шахрияр, а также его

брат Шахзамон – персонажи именно персидско-таджикские, ведь косвенно данное утверждение подтверждается этимологией имён собственных, географических названий, наименований предметов быта и ремесел, региональной спецификой и т.п. Формально, основное действие «арабских ночей» разворачивается при дворе персидского шаха Шахрияра... Между тем, несмотря на персидскую канву повествования, дух сборника полностью арабский, а события большинства сказок развиваются в Ираке, в Багдаде VIII века – в эпоху Харуна ар-Рашида.

Среди множества последователей Антуана Галлана, особо следует выделить, Жака Казотта (фр. Jacques Cazotte; 1719-1792) и Пети де ла Круа (François Pétis de la Croix; 1653-1713). Здесь стоит отметить, что исследованиям переводов А. Галлана посвящена обширная литература (см.: Martinot, Zotenberg и т. д.). Однако, для целей настоящего исследования нет необходимости вникать во всё многообразие проблем, поднимаемых в ней. Необходимо лишь подчеркнуть, что на рассматриваемый период, именно «Les Mille et une nuits» – А. Галлана и «Les 1001 jours» – Пети де ла Круа являются наиболее значимыми из многочисленных восточных и псевдовосточных сочинений, опубликованных во Франции и Англии в конце XVII начале XVIII в. и представляют наибольший интерес для целей настоящего исследования, поскольку именно эти два труда явились «катализатором» второго всплеска интереса европейцев к культуре Востока.

Необходимо подчеркнуть, что сказки «Les 1001 jours» («1001 день») Франсуа Пети де ла Круа, занимают своё особое место в культурном взаимодействии Востока и Запада, поскольку наряду с «Les Mille et une nuits» («1001 ночь») знаменуют собой своего рода один из кульминационных моментов культурного процесса проникновения восточной повествовательной традиции на Запад, глубокого вхождения персидско-таджикского сказочного материала в Европу, а также занимают своё достойное место в истории перевода и исследованиях персидско-таджикской сказочной прозы в Европе.

В преамбуле «Les 1001 jours» («Тысяча и один день») автор, стараясь оставаться ближе к оригиналу, просто воспользовался одним из довольно распространённых литературных мотивов персидско-таджикских сказок. Во многом «Les 1001 jours» являются подобием «Les Mille et une nuits», однако их автор, как верно заметил упомянутый выше Поль Себаг, гораздо вольнее, чем Галлан, обращался с переводами добавляя удивительные приключения в том числе и из европейских источников, а по мере необходимости отлично используя свое бесспорно развитое художественное воображение.

Третий раздел второй главы «Персидско-таджикские сказки во французском культурном пространстве» представляет анализ структуры и содержания сборников «Тысяча и одна ночь» («Les Mille et une nuits») и «Тысяча и один день» («Les 1001 jours»).

Как было отмечено ранее, подавляющее большинство сказок в сохранившихся рукописях «1001 ночи» было интегрировано в сборник в течение двух периодов арабского воздействия. Это так называемые Багдадский и Каирский периоды. Однако, исследователям нельзя забывать, что «арабским» этапам предшествуют индийско-персидские версии, вероятно, датируемые доисламскими временами.

Исследователь Ю. Салимов выдвигает предположение о том, что например, сюжет встречающийся как в «Les Mille et une nuits» (Тысяча и одна ночь), так и в «Les 1001 jours» (Тысяча и один день) – «Повести о Сейф ал-Мулюке», существовал еще в доисламской иранской сказочной традиции.

Ибн ан-Надим говорит своему читателю о сборнике персидских сказок, которые рассказываются в течении 1000 ночей. В то же время, полное содержание данного сборника в любой из ее ранних версий, будь то персидская или арабская, нам неизвестно. Оригинал персидско-таджикских «1000 сказок» до нас не дошёл, а из его арабского перевода сохранился лишь небольшой фрагмент, опубликованный в 1949 году американской арабисткой и палеографом Набией Эббот (Nabia Abbott. Мардин. Турция. 1897-1981).

Сам Ибн ан-Надим утверждал, что неоднократно видел книгу «1000 сказок», добавляя при этом, что полные копии, содержащие в том числе рамочные конструкции, возможно и не были сильно распространены, но в то же время были доступны в его время. Так это или иначе, но до наших дней дошло менее десятка рукописей, которые могут быть достоверно связаны с этим периодом времени. Здесь можно добавить, что большая часть жизни самого Ибн ан-Надима прошла в одном из научно-литературных центров арабского халифата – Багдаде, где и был написан его знаменитый «аль-Фихрист».

Немецкий литературовед, филолог, исламовед Энно Литтманн (Littemann Enno 1875-1958), который также подробно изучал различные национальные и этнические компоненты в содержании «Les Mille et une nuits», опираясь на труды датского филолога, профессора Йоханнеса Элит Оstrup (Johannes Østrup 1867-1938) говорил о том, что сказки, в которых добрые призраки и феи взаимодействуют с персонажами людей, несомненно имеют персидско-таджикское происхождение.

В настоящем исследовании делается упор на доступные персидско-таджикские рукописи, которые наиболее близки по содержанию к

вышеперечисленным «стержневым» рассказам и фабуле из «Les Mille et une nuits» Галлана и практически полностью совпадают с «Les 1001 jours» Пети де ла Круа.

Третья глава диссертации «Своеобразные отражения персидско-таджикского мира во французской авторской сказке» состоит из трёх разделов, посвящённых истории отражения и проникновения персидско-таджикских элементов во французскую авторскую сказку и адаптации волшебных образов персидско-таджикской сказки во французской литературе.

Первый раздел третьей главы посвящён истории проникновения персидско-таджикских элементов во французскую авторскую сказку.

В предыдущей главе мы уже приводили примеры далеко идущих выводов в области ономастики, полученных только лишь на основании появления во французской авторской сказке имени одной лишь служанки. Между тем, исследователь трудов Яна Рипки Джики Цечпек (Сејрек, Јіқі) настаивал на том, что: «Собственные имена очень помогают и редко подводят, когда определяют происхождение истории. И если эти имена персидские то, это говорит о том, что они оригинальны и доказывают, что рассматриваемый объект также имеет персидское происхождение. И с другой стороны, когда вы встречаете арабские (прим. авт. или тюркские) имена в иранских историях, особенно в волшебных сказках, то скорее всего они были добавлены позже вместо иранских» [Сејрек, 1968, с. 663].

По нашему мнению, такое обилие персидско-таджикских имён главных героев (даже находящихся в арабском контексте – см. Послесловие Клаудии Отт к «101 ночь. Утерянными сказкам Шахрезады»), как: собственно – Шахрезада (среднеперсидский – «свободная горожанка» или «благородная горожанка, Шахрияр (перс. شهریار тадж. Шахриёр – кн. император, монарх, государь), Данизада (происходящая «из рода учёных») и аналогичные им, указывают прежде всего, на раннюю принадлежность оригинальной рукописи к персидско-таджикским корням, скорее всего, восходящим к доисламскому периоду. Тем не менее, авторы согласны с утверждением, что любые попытки определить составобразующие «элементы» волшебных сказок, в идеале должны быть подкреплены соответствующим этническим или национальным фоном.

Необходимо добавить, что средневековые учёные и писатели выходцы из Центральной Азии обычно были известны во Франции как, впрочем, и во всей Европе по их сокращённым именам либо прозвищам. Например, будущий великий таджикский ученый – Авиценна (Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина. перс. ابو علی حسین بن عبدالله بن سینا),

родился в 980 году, недалеко от Бухары. В этом плане исследовательского внимания заслуживает «Повесть об Авиценне» в «Les 1001 jours», которая, однако, не обнаруживает прямой связи с рукописями «Джавами' ал-хикайат».

Для наглядности в диссертации приведены несколько отрывков из русского перевода «Les 1001 jours» («Тысяча и один день») Михаила Ивановича Попова, который, в свою очередь, следует рассматривать как своеобразный памятник уже трём культурам: средневековой персидско-таджикской, французской XVII века и русской культуры конца XVIII века.

Во **втором разделе** третьей главы автор попытается выделить некоторые универсальные и специфические черты композиций и стиля этих сказок с точки зрения их связи с композиционными приёмами французской повествовательной прозы рубежа XVII-XVIII веков.

Следует признать, что структура рамочной конструкции «Les Mille et une nuits» («1001 ночь») и «Les 1001 jours» («1001 день»), чрезвычайно удачна и представляет собой одну из самых успешных конструкций, подхваченную целым рядом поколений писателей, художников и кинематографистов во всем мире.

Некоторые истории были простыми, другие сложными и многослойными; иногда персонаж в одной истории начинал рассказывать другую, вполне самостоятельную сказку. Некоторые истории не были окончены, поскольку Шехрезада создавала многоуровневые повествования или же утверждала, что не знает окончания, однако у нее есть иная, ещё более интригующая, чем незаконченная история.

Напомним, что самые ранние рукописные версии «Les Mille et une nuits» на арабском языке были найдены в Сирии и Египте, а самые ранние печатные арабские версии были опубликованы англичанами в Индии и Египте. Первая европейская версия на французском языке «Les Mille et une nuits» была опубликована в 1704 году, а анонимный английский перевод Галлана под названием «Развлечения арабских ночей» увидел свет уже в 1706 году.

В предыдущих главах, мы уже говорили о некоторых конструктивных особенностях построения «рассказа в рассказе». Необходимо заметить, что, например, преамбуле «Les Mille et une nuits» посвящено достаточно замечаний современных исследователей. Так, известная голландская исследовательница Мия Герхард в своём труде «Искусство повествования» подробно рассматривает «Les Mille et une nuits» с точки зрения современного европейского читателя и среди прочих выделяет 3 основных типа данной структуры:

- развлекательную рамку (с целью времяпрепровождения),
- отсрочивающую рамку (с целью отсрочки казни и т.п.) и

○ выкупную рамку (сказка, как выкуп).

«1001 день» («Les 1001 jours») в сравнении с «1001 ночью» («Les Mille et une nuits») является произведением в композиционном плане более совершенным, более авторским и отличается разработанностью и законченностью сюжетной линии.

Третий раздел завершающей третьей главы диссертации посвящен дальнейшей адаптации волшебных образов персидско-таджикской сказки во французской литературе.

«Ночи и Дни», как собрания волшебных историй, сегодня обсуждаются и изучаются с применением любого из возможных теоретических подходов: политики, теории феминизма, теории литературы, теории перевода, психологии и т.п. Различные вариации на тему сюжетов «Ночей и Дней» были реализованы в литературно-художественных произведениях, включая поэзию, пьес, романов и рассказов. Прямые либо косвенные обращения и упоминания о «Les Mille et une nuits» и «Les 1001 jours» встречаются практически в любой литературе, которую можно только себе представить. Персонажи и образы «Ночей и Дней» представлены в кинофильмах, живописи, музыке, опере, мультфильмах, настольных и карточных играх, комиксах, видеоиграх, политических мероприятиях, культурных представлениях и многом другом. В определенном смысле, «Ночи и Дни» – это гораздо больше, чем просто сборники сказаний.

В работах французского автора «Les 1001 jours» («1001 день») мы обнаруживаем реальное отражение персидско-таджикской сказочной традиции, которая не в меньшей мере чем «Les Mille et une nuits» («1001 ночь»), а скорее наоборот, оказала значительное воздействие на всю мировую культуру в целом.

Подводя черту, следует сказать, что на рубеже рассматриваемого периода времени (XVII-XVIII вв.), в Европе формируется своеобразная традиция ориентального повествования, образцом для подражания которой стали книги Галлана и Пети де ла Круа.

Также, нам следует упомянуть «Восточные сказки» (Contes orientaux, 1743), выпущенные под видом продолжения «Les Mille et une nuits» Кейлюса; «Новые арабские ночи» (1792) Дени Шави и повести Жака Казотта «Продолжение тысячи и одной ночи» (Suite des Mille et Une Nuits).

Персидско-таджикские волшебные образы, герои и персонажи, первоначально представленные на суд европейского читателя в «Les Mille et une nuits» («Тысяча и одна ночь») и «Les 1001 jours» («Тысяча и один день»), стали не только популярными на современной мировой культурной сцене, но и получили свое дальнейшее развитие.

В **Заключении** приведены выводы и результаты исследования. Основные выводы диссертации заключаются в нижеследующем:

– литературные взаимодействия Востока и Запада имеют многовековую традицию, систематическое изучение которой в условиях глобальных процессов набирает всё больший размах. Если в древние времена литературные контакты Запада и Востока были спорадическими, то начиная с XVII в. они переходят на постоянную основу;

– первым собранием восточных сказок, с которыми познакомились французские читатели, был сначала «Les Mille et une nuits», а затем и «Les 1001 jours», которые познакомили европейцев уже не с арабскими, а с персидско-таджикскими сказками;

– при сравнении «Les Mille et une nuits» и «Les 1001 jours» сразу заметны многочисленные общие черты этих книг. Это сходство заложено в единстве исходного материала, которым пользовались Галлан и Пети де ла Круа;

– многие тексты «1001 ночи» («Les Mille et une nuits») и «1001 дня» («Les 1001 jours») имеют свои параллели среди источников, составляющих репертуарные сборники сказителей персидско-таджикских сказаний (Джавами ал-хикайат);

– с исторической точки зрения перед исследователем предстают три этапа трансформаций персидско-таджикского сказочного материала: вначале – народная сказка, затем – литературная сказка, а в конце – ориентальный вариант французской авторской сказки;

– с композиционной точки зрения «Les Mille et une nuits» («1001 ночи») и «Les 1001 jours» («1001 дня») представляют собой многоступенчатую рамочную структуру, которая также традиционна для персидско-таджикских сказаний.

Цитированная литература:

1. Герхард, М. Искусство повествования. Литературное издание „1001 ночи“ / М. Герхард. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, изд-во Наука, 1984. – 354 с.
2. Салимов, М.О. Сравнительное изучение "Калилы и Димны" Абул-маоли Насраллаха и "Анвары Сухайли" Хусайн Ваиза Кашифи: дис. ... канд. филол наук: 10. 01. 03 / Салимов М. О. Душанбе: ТГУ, 1987. – 200 с.
3. Строев, А.Ф. Французская литературная сказка XVII – XVIII веков / А. Ф. Строев. М.: Художественная литература, 1990. – 720 с.

4. Чернышевский, Н. Г. Полн. собр. соч., т. XII / Н. Г. Чернышевский. М.: Госиздат, 1949. – С. 130.
5. Herbelot de Molainville. Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel contenant tout ce qui regarde la connaissance des peuples de l'Orient. Paris, 1697. Préface
6. Les Mille et un jours: Contes Persans by François Pétis de la Croix, Paul Sebbag, Paris, 2003. – 670 p.
7. Marinot, P. L . Orient dans la littérature française au XVII-XVIII siècles. Paris, 1966. – P. 206
8. [электронный ресурс]. Режим доступа: [view-source:http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000032/st007.shtml](http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000032/st007.shtml) (14.10. 2019)

**Основные положения работы отражены
в следующих публикациях:**

1. Махмудов, Д. О. Литературные взаимосвязи Востока и Запада в XVII-XVIII веках / Д. О. Махмудов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2016. – № 4/4 (206). – С. 229-232.
2. Махмудов, Д. О. Антуан Галлан и арабские ночи или персидские дни / Д. О. Махмудов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2016. – № 4/5 (209). – С. 174-177.
3. Махмудов, Д. О. Общность литературных образов индоевропейских народов / Д. О. Махмудов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2017. – № 4/4. – С. 172-175.
4. Махмудов, Д. О. Путешествие "китайской принцессы" из центральной Азии через Европу на российскую сцену / Д. О. Махмудов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2018. – № 3. – С. 175-178.
5. Махмудов, Д. О. Восход, развитие и закат сюжетной линии французской литературной сказки и воздействие на нее ориентальных веяний / Д. О. Махмудов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе, 2019. – № 3. – С. 200-203.